

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83>

УДК 81'42

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ПЕРВИЧНОГО ТЕКСТА И ЕГО ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРОДУКЦИИ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА

К.В. Шульгина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается проблема современной лингвоэкспертной деятельности, касающаяся использования протоколов допроса в качестве материального носителя негативно-оценочной информации о лице. Разобщенность экспертных взглядов относительно возможности анализа чужой речи в протоколе допроса все чаще влечет за собой отсутствие экспертной оценки материалов предварительного следствия по уголовным делам.

Цель лингвистического анализа – установление характера взаимосвязи и степени аппроксимации первичного и вторичного текстов, где первичный текст зафиксирован на фонограмме, вторичный – воспроизведен в протоколе допроса со слов допрашиваемого.

Методологию исследования составляют теоретические подходы к сопоставительному анализу прототипического высказывания и его вторичной формы.

Материалом исследования являются видео-, аудиозаписи речевых событий оскорбления, а также протоколы допросов, описательная часть которых содержит сведения о звучащей конфликтной речи.

В результате исследование показало максимальную степень формально-семантической сближенности текстов, выступающих в качестве основы, и их вербальных репродукций, отраженных в протоколах допроса. Принципиально отметить и то, что в протоколе допроса воспроизведены важнейшие паралингвистические голосовые характеристики лица, которому принадлежат инвективные высказывания. Вышесказанное можно определить как *итоговый вывод* проделанного лингвистического анализа.

Авторский вклад в развитие лингвистической экспертизы видится в том, что полученные результаты могут быть использованы при составлении методических рекомендаций для экспертов, занимающихся анализом речевого материала, извлеченного из протокола допроса, а также иных косвенных источников информации об экспертных объектах. Предлагаемая система понимания расширяет представление о вторичных текстах как объектах исследования в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: *протокол допроса, фонограмма, инвективные высказывания, первичный текст, вторичный текст, аппроксимация, текстовые преобразования.*

П*остановка проблемы.* Судебная лингвистическая экспертиза на современном этапе обладает комплексом методов и методик, позволяющих экспертам осуществлять научно-практическую деятельность, связанную с исследованием доказательств по уголовным делам. Показания лиц, получаемые следователями в ходе процессуальных действий по делам об оскорблении, часто содержат в себе транслируемые языковые конструкции, чужую речь оскорбительного характера. Научных принципов изучения ретранслируемой в протоколе

допроса речи, как и теоретического обоснования проведения таких исследований, на сегодняшний день не имеется. Серьезным препятствием исследовательской работе служит проблема «достоверности», обнаруживающая себя в текстах разной сферной и функциональной принадлежности [Осетрова, 2006; 2015], в данном случае сопряженная также с наличием человеческого фактора – очевидец коммуникативного события передает во время допроса конфликтную речь.

Опосредованность [Мамаев, 2008, с. 279], потеря значимых смысловых элементов (интонации, темпоральных, силовых, тембрально-мелодических характеристик голоса), присущие воплощенной в протоколе допроса чужой речи, на первый взгляд, должны подводить к заключению о невозможности ее исследования. В противовес этой концепции К.И. Бринев упоминает о том, что эксперт не может исключать из своей практики те или иные носители сведений об объекте, «потому что ложность / истинность любого исследования напрямую не связана с каким-либо типом источников информации об объекте»; и далее: «незнание, как исследовать такие источники, не означает невозможности их исследования по поставленным перед специалистом вопросам» [Бринев, 2017, с. 65]. Дискуссионность вопроса использования косвенных источников информации о речевом событии послужила основанием для проведения настоящего исследования, целью которого является изучение особенностей реализации и трансформации вторичного текста в протоколе допроса в аспекте его соответствия первичному (звучащему) тексту.

Объектами анализа являются два типа текстов: первичные – зафиксированная на цифровых носителях информации инвективная звучащая речь, и производные от первичных – вторичные тексты – отраженная в протоколе допроса чужая речь. *Предметом* анализа послужила лингвистическая соотносимость этих двух типов текстов – производящего и производного.

Цель исследования – установление характера взаимосвязи и степени аппроксимации первичного текста, зафиксированного на фонограмме, и вторичного текста, воспроизведенного ретранслятором и занесенного в протокол допроса.

Научную базу и методические подходы исследования в общем виде демонстрирует обзор литературы по теме.

Межтекстовые отношения деривационно-мотивационного характера исследованы в работах М.В. Вербицкой, Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Л.Н. Мурзина, Л.М. Майдановой, Г.В. Кукуевой, А.И. Новикова, Н.Л. Сунцовой, С.В. Ионовой и др.

Наше исследование посвящено вторичным текстам, главной целью создания которых для авторов является по возможности точная передача содержания и сопровождающего его паралингвистического ореола в ситуации допроса по делам об оскорблении. Как показывает практика, оскорбительные высказывания, являющиеся предметом судебных тяжб, представляют собой весьма небольшие по объему речевые произведения – два/три слова, соединенные в ритмомелодическое целое, обычно лаконично характеризующие объект оценки. Установить особенности вторичных текстов можно соотнося их структурные, семантические, функциональные свойства со свойствами первичных текстов.

Презентация и понимание текстовой категории «вторичности» в разнообразных лингвистических концепциях сводятся к наличию межтекстовых отношений, где первичный текст выступает в качестве инварианта, дериватора для варианта – вторичного текста (деривата), созданного с опорой на исходный текст [Голев, Сайкова, 2001, с. 20; Мурзин, 1994, с. 18]. Преобразования первичного текста можно отнести к «кодовым трансформациям» со статистико-вероятностным характером деривата [Барагамян, Зеленская, 2012, с. 70]. Вторичный текст невозможно оценить без обращения к его «второму плану» [Вербицкая, 2000, с. 3].

Установить характер межтекстовых деривационных связей позволяет обращение к форме, содержанию и функциям вторичных текстов.

Как справедливо отмечает С.В. Ионова, один из исследователей категории вторичности в языке, «первичные тексты создаются только богом, и тогда все, что делает человек, – вторично» [Ионова, 2006, с. 4]. Под вторичным текстом она понимает «любой текст вторичной репрезентации, который образуется в результате семантических преобразований текста-основы» [Там же, с. 8].

Исследуя вторичные тексты, С.В. Ионова использует понятие функционально-семантической категории аппроксимации, утверждая, что степень «соответствия вторичного речевого произведения тексту основе бывает различной» – значительной, частичной и минимальной [Там же]. В данном контексте отметим и то, что процесс лингвистической аппроксимации является основой для лингвистических систем с переменными, обладающими неточным значением [Degani, Bortolan, 1988, p. 144].

Расширяя обозначенное проблемное поле, А.А. Чувакин рассматривает первичный текст миниатюры в интернет-коммуникации как источник «провоцирующих сигналов», «вторичный – как средство эвокационного погашения этих сигналов в акте речекommunikативной деятельности “правого участника”» [Чувакин, 2008, с. 392]. Авторы вторичных текстов в рамках одного и того же первичного текста усматривают разные провоцирующие сигналы, обусловленные речекommunikативным сознанием и опытом каждого [Там же, с. 393].

Л.В. Бабина, изучая новые концепты, появившиеся в результате процессов преобразования исходных концептов, использует термин «вторичная репрезентация», под которым понимает «вторичное знаковое представление известного, но в той или иной степени модифицированного концептуального содержания» [Бабина, 2003, с. 4]. При этом концептуальная деривация представляет собой когнитивную операцию, которая позволяет объяснить сущность вторичных явлений и способствует появлению новой системы знаний [Там же].

Как отмечено выше, настоящее исследование направлено на установление факта и степени взаимодействия двух связанных отношениями производности типов текстов, извлеченных из разных сред, имеющих разных авторов и функции.

Результаты исследования. Выявление лингвистического облика вторичных текстов, представленных в протоколах допроса, и звучащих текстов-инвариантов, зафиксированных на аудиозаписях, проводилось путем описания

и сопоставления основных деривационных признаков, позволяющих классифицировать производные тексты – формы, содержания и функциональной направленности текста [Голев, Сайкова, 2001, с. 21].

Исследуемые нами вторичные тексты (далее – ВТ) зафиксированы в протоколах допроса, составляющих доказательственную базу по 10 уголовным делам об оскорблении представителей власти. Первичные тексты (далее – ПТ), выступающие в качестве текста-основы для их вторичной проекции, представлены на материальных носителях информации в виде аудиозаписей спонтанной речи в ситуации общения граждан с сотрудниками правоохранительных органов и представителями законодательной власти.

Соотношение анализируемых¹ ПТ и ВТ продемонстрировано в табл. 1.

Таблица 1

Порядковый номер рассмотренного уголовного дела (УД), с указанием статуса адресата	Первичный текст ¹	Вторичный текст
1	2	3
№ 1 – в отношении сотрудников патрульно-постовой службы полиции	«П...дор», «Ты п...дор», «Я тебе ещё раз, п...дор, тебе говорю, что ты п...дор», «Слышишь, ты п...дор», «П...дор е...ный», «Суки», «Суки вые ...ные»	«мусор, п...дор, сука, дура е...ная»
№ 2 – в отношении участкового уполномоченного полиции	«Я хочу сказать, что ты, допустим, п...рас», «Он п...рас лично»	«ты п...рас»
№ 3 – в отношении сотрудников патрульно-постовой службы полиции	«Вот пи...расы б...дь», «Животные е...ные», «Дуры е...ные», «Х...ли ты меня, сучка, снимаешь?», «Пошла ты на х...й, п...рас», «Животное е...ное», «Дура», «Слышь, э, овца е...ная», «Чё ты меня ломаешь, п...дор», «Дуры, вы дуры е...ные», «Вы п...расы»	«твари, суки е...ные, пи...расы, дуры е...ные», «х...ли ты мне сука снимаешь», «да пошла ты пи...рас, животное е...ное, дура, овца е...ная, п...рас, дуры е...ные, п...расы»
№ 4 – в отношении участковых уполномоченных полиции	«Пошёл ты подальше. На три советских буквы. А проще – пошёл на х...й, п...рас е...ный», «А ты понимаешь, что я тебя, козла, без погон поймаю и задавлю, понял?», «А тебя тоже, ты тоже п...дор б...дь», «Чучела е...ные б...дь»	«Да пошел ты подальше, на три советских буквы», «Пошел на х...й п...дор е...ный», «А ты понимаешь, что я тебя козла без погон поймаю и задавлю, понял», «А тебя тоже б...дь понял, и ты тоже п...дор»

¹ В статье сохранены оригинальные орфография, пунктуация, средства эвфемизации, используемые при фиксации ВТ в протоколах допроса.

² Ненормативная лексика в ПТ обозначена с помощью графического эвфемизма «...».

Окончание табл. 1

1	2	3
№ 5 – в отношении инспектора дорожно-патрульной службы	«Сука, я тебе сейчас е...льник разо- бью», «Г...но», «Ты г...но»	«сука», «г...но»
№ 6 – в отношении инспектора дорожно-патрульной службы	«Что, охренел, б...дь?», «Что, сука, ох...л?»	«чё охренел, чё сука ох...л»
№ 7 – в отношении сотрудника патрульно-постовой службы полиции	«Вы вообще конченные»	«п...дор конченный», «мусор», «козел е...ный»
№ 8 – в отношении сотрудника патрульно-постовой службы полиции	«Ты что, е...ать, е...нутый или что, а?»	«Ты че е...ать е...нутый что ли»
№ 9 – в отношении депутата	«Да не перебивай ты, баран»	«Да не перебивай ты ба- ран»
№ 10 – в отношении сотрудников патрульно-постовой службы	«Слышь, чё, козёл,ними меня п...рас, браслеты», «Чмо е...ное», «Козёл е...чий», «П...расы», «Вы чмо е...ные», «Вы п...расы оба», «П...дор», «Чё слышал на х...й, у...бок», «Браслеты, сука,ними», «П...дорас е...ный», «Чтобы ты, сука, сдох, е...учка тухлая», «И ты погонов, падаль, лишишься»	«п...рас, чмо, козел е...чий», «чмо е...ное, козёл е...чий, п...рас», «Вы чмо е...ные, вы п...расы оба», «Что слышал, у...бок, браслеты суканими», «п...рас е...ный, чтоб ты сука сдох, е...учка тухлая, ты погонов, падаль, ли- шишься, ты п...дор», «Емельяновские п...расы»

Как видно из табл. 1, большая часть ВТ представлена в виде чужой речи, номинативных оценочных единиц. «Оценочные предикаты, репрезентированные инвективной лексикой, относятся к рематическим элементам содержания – и в данном случае они приводятся автором вторичного текста в качестве ключевых, текстообразующих элементов» [Шульгина, 2020, с. 25]. Формально-семантические пространства ПТ и ВТ из материалов уголовных дел № 1–3, 5, 10 значительно отличаются один от другого.

ПТ представлены бóльшим количеством реализованных на аудиозаписи высказываний с инвективной семантикой и более сложной структурой. Так, первичные тексты «Я хочу сказать, что ты, допустим, п...рас», «Он п...рас лично» противопоставлены вторичному тексту «ты пид...с». Ретранслятором сокращено

количество оскорбительных высказываний до одного, а в самом аппроксиматичном высказывании впоследствии структурно-семантической компрессии сохранены лишь инвективная ядерная лексема и указание на квалифицируемый объект.

Эмоционально-оценочная лексика – материальное воплощение воспроизводимых инвективных текстов, обладающих знаковой природой и маркированной семантикой. «Запоминая слово, обладающее либо маркированностью семантики, либо необычной фонетической формой, информанты замечают указанные особенности, что приводит к более успешному запоминанию подобных слов» [Черноусова, 2008, с. 20]. Эмоциональная память позволяет носителю языка «быстро и прочнее» запоминать экспрессивную лексику, порождаемую в межличностном конфликте [Ионова, 2006, с. 112].

Лаконичность вторичных инвективных текстов, обусловлена не только особенностями интеллектуально-психического состояния участников конфликтного общения, запоминающих и воспроизводящих аффективную лексику, но и потребностями уголовного судопроизводства – самой ситуацией допроса лиц об обстоятельствах совершения речевого преступления. Лица, вызываемые в следственное учреждение повесткой следователя для дачи показаний по уголовному делу об оскорблении, четко дифференцируют оскорбительную лексику из прецедентных высказываний, которую им предлагают воспроизвести в квазиспонтанной ситуации допроса.

Перед участниками допроса стоит задача рассказать об «оскорблении». В большинстве случаев их языковое мышление в этот момент не направлено на поиски диалогических связей и внутритекстовых скреп создаваемого ими текста и его прототипа.

Для данной категории коммуникантов структурная компрессия высказываний, их эллиптичность не наносят ущерба семантической составляющей ввиду того, что главной задачей для них являются ретрансляция оскорбительных слов, актуализация и подчеркивание их бранной функции в описываемом коммуникативном событии. Впрочем, некоторые из допрашиваемых пытаются создать цельную и связную репродукцию чужой речи (УД № 4, 6, 8, 9), в которой основной функцией все так же является предиктивное объекту какого-либо негативного признака.

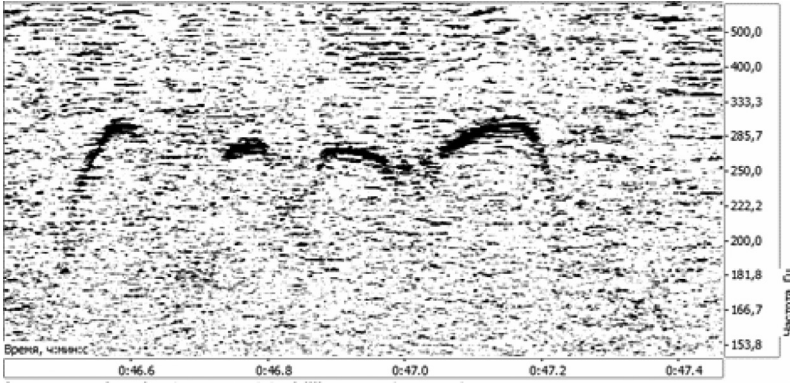
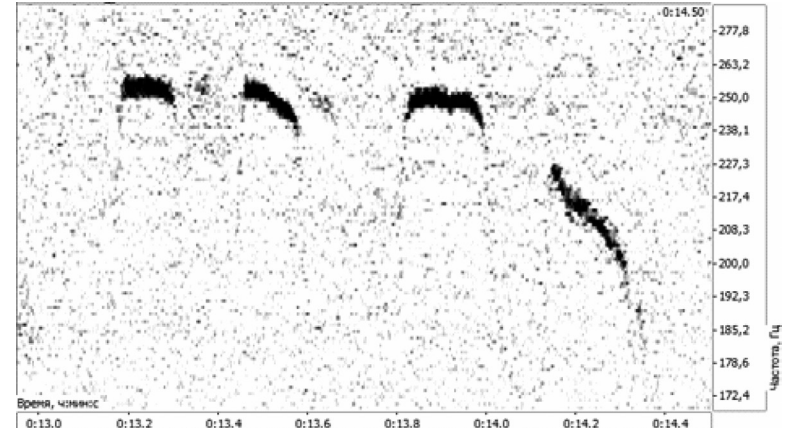
Следует отметить наличие в анализируемом материале ВТ, не являющихся проекцией высказываний с аудиозаписей (УД № 1, 3, 7, 10) либо только частично соотносящихся с ПТ. Появление данных ВТ в протоколах допроса может быть объяснено неполной фиксацией речевого события с помощью звукозаписывающего устройства либо когнитивными особенностями реципиента, воспринимающего и порождающего текст искаженно, расширяющего синтаксические конструкции и вводящего новые смысловые элементы. Как правило, анализ протоколов допроса и фонограммы (при ее наличии) позволяет выявить такие ВТ и исключить их из дальнейшего исследования.

В общем конструктивно-содержательная модель инвективного высказывания может быть представлена триадой, центральным звеном которой является инвективная лексика, практически всегда воспроизводимая реципиентом. Периферийными компонентами триады являются альтернирующие, непостоянные элементы исследуемых речевых произведений, а также фонационные характеристики голоса.

В проведенных ранее исследованиях установлено присутствие в протоколах допроса (в той ее части, которая описывает вербальное общение) важной фонационной характеристики – громкости голоса: «“Враждебный” голос в момент произнесения конфликтного речевого произведения всегда звучит “громко” <...> допрашиваемые лица описывают этот голос как “крик” или “повышенный тон”» [Шульгина, 2020, с. 56].

Табл. 2 иллюстрирует соотношение интонации инвектора, описываемой ретранслятором коммуникативного события, с визуализированными с помощью кепстрограммы динамическими характеристиками голоса, зафиксированного на фонограмме.

Таблица 2

Первичные тексты	Кепстрограммы первичных текстов	Описание интонации инвектора в протоколе допроса
«Вы п...дорасы!» (УД № 3)		«<...> последний был в агрессивном состоянии, кричал на сотрудников полиции грубой нецензурной бранью <...>»
«Что ты п...дор!» (УД № 1)		«<...> упал на землю начал биться головой о землю, кричал <...>»

Кепстральное представление частоты колебания голосовых связок, максимумы частоты основного тона, расположенные в зоне произнесения оскорбительной лексики, указывают на восходяще-нисходящую интонацию, повышенную громкость произнесения первичных текстов, что соотносится с языковым описанием паравербальных характеристик голоса в протоколах допроса.

Заключение. Исследование вторичных текстов в протоколах допроса в их соотношении с записями первичных устных текстов показало наличие между ними межтекстовых мотивационных отношений. Обобщение эмпирического материала позволило сделать выводы касательно уровня содержательно-структурной аппроксимации двух типов текстов.

Вторичный текст в протоколе допроса преимущественно представлен семантико-синтаксической моделью, в центре которой находится ключевое слово (несколько слов) – квалификатив из первичного речевого акта оценки.

Во вторичных текстах, помимо оценочных слов, может также присутствовать лексика, указывающая на объект оценки, совпадающий с адресатом высказывания. Исследуемые первичные и производные тексты демаркируются на уровне компрессии содержания и элиминации структурных элементов.

Вторичный текст в протоколе допроса как объект с редуцированными свойствами и недетализированной структурой и содержанием способен выполнять коммуникативную и познавательную функции, сохраняя самый важный ввиду прагматической направленности высказывания структурно-смысловый компонент – инвективную лексику.

Основу лингвистического анализа *injuria verbalis* при производстве лингвистической экспертизы составляет описание функции квалификативов, включенных в более развернутую структуру первичных текстов и оглашаемых ретрансляторами при проецировании этих текстов. Таким образом, вторичные репрезентации чужой речи из протоколов допроса по делам об оскорблении являются полноценными объектами семантического исследования, имеющими семиотическую природу и генетическую связь с прецедентными речевыми произведениями.

Библиографический список

1. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2003. 38 с.
2. Барагамян А.А., Зеленская В.В. Дискурсивная деятельность: порождение вторичного текста // Культурная жизнь юга России. 2012. № 1 (44). С. 69–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17785387> (дата обращения: 01.08.2021).
3. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М., 2017. 304 с.
4. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
5. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингви-

- стический и когнитивный аспекты. 2001. С. 20–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izlozhenie-parodiya-perevod-k-osnovaniyam-derivatsionnoy-interpretatsii-vtorichnyh-tekstov> (дата обращения: 11.08.2021).
6. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград, 2006. 380 с. URL: <https://textarchive.ru/c-2115376.html17785387> (дата обращения: 07.08.2021).
 7. Мамаев Н.Ю. Методические презумпции лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-prezumptsii-lingvisticheskoy-ekspertizy-1> (дата обращения: 08.08.2021).
 8. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии: конспект лекций. Пермь, 1984. 55 с.
 9. Осетрова Е.В. Недостоверная информация в СМИ: соотношение информационной нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня: сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. Вып. 4. С. 432–444.
 10. Осетрова Е.В. Парадокс слухов: доверие vs. недостоверность // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 4. С. 131–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoks-sluhov-doverie-vs-nedostovernost/viewer> (дата обращения: 09.08.2021).
 11. Черноусова А.С. Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 23 с.
 12. Чувакин А.А. Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов. Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. 2008. Вып. 8. С. 385–396. URL: <https://www.fmc.asu.ru/documents/1848/> (дата обращения: 10.08.2021).
 13. Шульгина К.В. Вербальное представление фонационных характеристик речи в протоколе допроса // Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. [Электронное издание] / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. 2020. С. 54–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43835130> (дата обращения: 20.08.2021).
 14. Шульгина К.В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 21–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44277715> (дата обращения: 18.08.2021).
 15. Degani R., Bortolan G. The Problem of Linguistic Approximation in Clinical Decision Making // International Journal of Approximate Reasoning. 1988. No. 2. P. 143–162. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82516115.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).

Сведения об авторе

Шульгина Кристина Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка и методики филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83>

LINGUISTIC CORRELATION OF PRIMARY TEXT AND ITS VERBAL REPRODUCTION IN THE INTERROGATION PROTOCOL

K.V. Shulgina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem statement. The article deals with the problem of modern linguo-expert activity related to the use of interrogation protocols as a material carrier of negative-evaluative information about a person. The variability of expert views regarding the possibility of analyzing someone else's speech in the interrogation protocol more and more often entails the lack of expert assessment of the materials of the preliminary investigation in criminal cases.

The purpose of the study is to establish the nature of the relationship and the degree of approximation of the primary and secondary texts, where the primary text is recorded on the phonogram, the secondary one is reproduced in the interrogation protocol from the words of the interrogated.

The research methodology consists of theoretical approaches to the comparative analysis of the prototypical utterance and its secondary form.

The material of the research is video and audio recordings of speech events of insult, as well as interrogation protocols, the descriptive part of which contains information about the recorded conflict speech.

Research results. The study showed the maximum degree of formal-semantic affinity of the texts serving as the basis and their verbal reproductions, reflected in the interrogation protocols. The interrogation protocol also reproduces important paralinguistic characteristics of the voice of the person to whom the invective evaluative statements belong.

Conclusions. The results obtained in the course of the study can be used in developing guidelines for experts involved in the analysis of speech material extracted from the interrogation protocol, as well as other indirect sources of information about expert objects. The proposed system of understanding broadens understanding of secondary texts as objects of research within the framework of forensic linguistic expertise.

Keywords: *interrogation protocol, phonogram, invective statements, primary text, secondary text, approximation, correlation, text transformations.*

References

1. Babina L.V. Secondary representation of concepts in language: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Tambov, 2003. 38 s.
2. Baragamyayn A.A., Zelenskaya V.V. Discursive activity: the generation of a secondary text // Cultural life of the South of Russia. 2012. No. 1 (44). S. 69–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17785387> (data obrashcheniya: 01.08.2021).
3. Brinev K.I. Forensic linguistic expertise: methodology and technique. Moskva, 2017. 304 s.
4. Verbitskaya M.V. Theory of secondary texts: based on the material of modern English: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2000. 47 s.
5. Golev N.D., Saykova N.V. Presentation, parody, translation ... To the basics of derivational interpretation of secondary texts // Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects. 2001. S. 20–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izlozhenie-parodiya-perevod-k-osnovaniyam-derivatsionnoy-interpretatsii-vtorichnyh-tekstov> (data obrashcheniya: 11.08.2021).

6. Ionova S.V. Approximation of the content of secondary texts. Volgograd, 2006. 380 s. URL: <https://textarchive.ru/c-2115376.html17785387> (data obrashcheniya: 07.08.2021).
7. Linguistic examination of texts that are of limited use for research. Guidelines / T.V. Nazarova, E.A. Grimaylo, A.V. Gromova, A.V. Rostovskaya, P.A. Manyanin. Moskva, 2018. 113 s.
8. Mamaev N.Yu. Methodical presumptions of linguistic expertise // Legal linguistics. 2008. No. 9. S. 277–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-prezumpsii-lingvisticheskoy-ekspertizy-1> (data obrashcheniya: 08.08.2021).
9. Murzin L.N. Fundamentals of derivatology. Lecture notes. Perm, 1984. 55 s.
10. Chernousova A.S. Lexical unit and its memorization: sociolinguistic research: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Perm, 2008. 23 s.
11. Chuvakin A.A. Internet communication: miniature in the space of secondary texts. Problems of speech communication: Interuniversity collection scientific papers / ed. by M.A. Kormilitsyna, O.B. Sirotinina. 2008. No. 8. S. 385–396. URL: <https://www.fmc.asu.ru/documents/1848/> (data obrashcheniya: 10.08.2021).
12. Shulgina K.V. Verbal presentation of phonation characteristics of speech in the interrogation protocol // Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to the Day of Slavic Written Language and Culture. Electronic edition. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2020. S. 54–56. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43835130> (data obrashcheniya: 20.08.2021).
13. Shulgina K.V. Someone else's speech in the interrogation protocol as a type of secondary text. 2020. No. 4 (12). S. 21–28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44277715> (data obrashcheniya: 18.08.2021).
14. Rosanna Degani, Giovanni Bortolan. The Problem of Linguistic Approximation in Clinical Decision Making // International Journal of Approximate Reasoning. 1988. No. 2. P. 143–162. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82516115.pdf> (data obrashcheniya: 18.08.2021).

About the author

Shulgina Kristina Vitalievna – PhD Candidate, Department of Modern Russian Language and Methods, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: watermark2@yandex.ru